

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки В. Таубера

Запишите то, что я вам сейчас расскажу, кэптин! Запишите все от слова до слова и, если это принято делать в вашей стране, приведите меня к присяге! Я знаю: на слово поверить человеку, повествующему о таких вещах, нельзя, а я требую, чтобы мне верили.

Я также настаиваю на том, чтобы вы немедленно послали свои записи вашим ученым. Спешно! Экспресс! Они найдут объяснение написанному, ибо все, что случается в действительности, может и должно быть объяснено. А ведь это же было!

Вы хорошо знаете: я не имею представления о том, что стряслось с «Зэтой» и с ее экипажем. Все скрыто от меня с того момента, как мы внезапно всплыли и меня оглушил взрыв. Я и не прошу у вас откровенности: я — солдат и слишком хорошо понимаю вас. Вы правы; да, да, вы правы!

В самом деле! В разгар жестокого боя на берегах Дуная, когда ваши молодцы, охваченные боевой яростью, видят, что малейшая доверчивость может стоить многих тысяч жизней, — что происходит в разгар этой страшной битвы?

Из Дунайских вод, в зоне, до которой Красная Армия еще не успела добраться, но которую нацисты уже покинули два дня назад, — в этом страшном и мертвом месте вдруг всплывает из глубины вод маленькая подводная лодка, немецкая лодка-«малютка», чорт побери этих дьяволов!

Как слепая, она тычется в фарватере то туда, то сюда под огненным шквалом. Явно потеряв ориентировку, она не знает, куда ей метнуться!

Ваши сигнальщики передают ей приказ: немедленно остановить моторы и сдать в плен! Ваши артиллеристы с обоих берегов наводят на нее свои орудия...

Лодка, несмотря ни на что, рвется на юго-восток, к вам. Но ведь к вам, значит — от них; разве это не подозрительно?

Внезапный грохот: суденышко нарвалось на мину. Вот оно тонет. В сумерках, в дыму, ваши катерники (доблестные парни!) спешат к ней. В воде барахтаются люди... Может быть, там был только один человек; я ничего не выпытываю у вас, кэптин! Русские моряки подбирают этого человека или этих людей (мне неизвестно, нашли ли вы кого-либо, кроме меня). Лодка тонет. Сколько же времени пройдет теперь до той поры, пока водолазы поднимут или хотя бы осмотрят ее? О, я все понимаю!

Следовательно, если остается одно лишь существо (будем думать, что спасен только я), знающее тайну ее появления, тут, между борющимися армиями в

среднем течении Дуная (вы не сказали мне, где я нахожусь сейчас, кэптин, но «Старик», — там, в глубине, — несколько раз говорил о «среднем плесе реки». У него был сильный русский акцент, у «Старика», но говорил он правильно, как книга; я понимал его. Я все знаю!), — если это так, то что же вам делать?

Естественно, вы ожидаете момента, когда существо это очнется после контузии, чтобы его допросить. Вы убеждены, что перед вами один из неудачливых немецких диверсантов, севший в свой кораблик где-либо выше Белграда (как, кстати, Белград? Не взят он еще, кэптин?). Вы допускаете, что он будет отрицать это, постарается выдать себя за хорвата, за серба или за беженца от наци... Почему знаю я, за кого? И вдруг...

Я никогда не забуду выражения вашего лица, каким оно стало после того, как я вам сказал, откуда мы прибыли и как.

Секунду или две вы не знали, как быть: рассердиться вам или рассмеяться? Наглость, не имеющая себе равных, перед вами или глупость, никогда еще не выданная в свете? А перед вами была только истина — простая, голая истина, хотя и неправдоподобная.

Да, лодка, — та, что лежит сейчас на дунайском дне в полумиле отсюда (мне виден из окна этот лысый береговой холм), — это «Зэта», бывшее судно бывшего Адриатического флота Югославии, «Зэта», записанная в «Джейн». Неделью назад, если только я не потерял счета дням (что, впрочем, вполне понятно), она пробиралась по голубому (слишком голубому, дорогой сэр! Слишком голубому для нашего трудного времени!) проливу между островами Корчула и Лагоста. Маленький в этом ракурсе остров Млег рисовался, помнится, справа по носу... А вот теперь она, с пробойной в передней части, лежит, как вы говорите, здесь, между Добрай на правом берегу реки и Берзаской — на левом, — точно по середине. И за все эти дни она (что мне за смысл лгать под прицелом ваших автоматов?) не прошла и четырехсот миль. Да, четырехсот... Смотрите в любую из лоций мира, кэптин, листайте какие угодно справочники, вспоминайте школьные уроки географии (как было, кстати, имя вашего географа? Моего звали Чарльз-Кристофер Бутс; забавный маленький человечек откуда-то с запада). Думайте, словом, что угодно, — вы не поймете ничего.

Адриатика — и среднее течение Дуная! Остров Корчула — и Железные Ворота! Если огибать Балканский полуостров с юга, путь протянется на тысячи миль.

«Если огибать?! — негодуете вы. — Что значит это «если»? Да ведь другого пути нет!»

Другой путь есть, кэптин! Клянусь вересковыми полянами Йорка, моей милой родины, он есть! Его указал нам, нас провел по нему высокий, преждевременно поседевший, русский инженер, беглец из немецкого лагеря.

Я не помню его фамилии: она слишком трудна для английских губ. Но если вы хотите понять, как это случилось, — не перебивайте моего рассказа. Я сообщу вам все, что помню. И лучше бы вы все же привели меня к присяге, потому что мне нужно, чтобы мне верили! Слушайте.

Меня зовут Баллард, сэр. Тэдди Баллард, к вашим услугам. Вряд ли вы слышали это имя (хотя у нас в роду был даже вице-адмирал): я из обнищавшей боковой ветви.

Мне двадцать один от рождения. До прошлой недели я был стрелком на «Ланкастере», входящим в 71-5 эскадрилью воздушной армии, в ту, которая базируется на Массифру, неподалеку от Таранто. Хорошая машина был этот «Ланкастер», сэр, и парни, летавшие на нем, были славными ребятами, особенно Гриффин, второй пилот. Жаль его, но что поделаешь, — война!

Во вторник, тринадцатого числа, был получен приказ итти в воздух. Задание было секретное, но мы привыкли все понимать. Предстояло снова пересечь Адриатику по линии Бари — Сплит, углубиться на территорию Югославии и где-то над горами сбросить двух парашютистов и кое-какой багаж.

Мы вылетели в 23.01. За Тарантским заливом садилась луна. Вахту у заднего пулемета держал Финней, канадский индеец, а я пока что присоседился в фюзеляже к парашютистке... Она была молода и недурна. Я — человек веселый: земля или шестая тысяча футов — не все ли равно? Мы сидели рядом и болтали. Ее звали Вайолт, так сказала она. Славная девушка, не хуже любого парня. Она англичанка, родилась тут, в Сербии, и знала сербский язык...

Мы болтали о том, что у итальянцев все еще не пропадает страх перед чортовым дуче; что в замке Помфрет, у меня дома, вам показывают место, где были убиты Риверс Грей и Воган, мы говорили также о вас. Мисс Вайолт опасалась, что опаздывает в Сербию: ваши армии дошли уже до Калафата и Виддина, взяли Тврну-Северин, пробились сквозь Железные Ворота... Вот так и надо действовать!..

Так мы рассуждали обо всем, прислонясь спинами к алюминиевым бимсам. Она мне понравилась, эта лэди в комбинезоне, с парашютом за плечами и с маленьким носиком девочки с рождественской открытки. Боюсь, что я тоже понравился ей немного... Что же? Это не новость для Йоркширца.

Когда «Фокке-Вульфы» вовсе неожиданно сбили нас и «Ланкастер» перешел в штопор, я сначала выбросил в люк ее, а потом прыгнул сам. Луна села, было темно.

Чистая случайность, кэптин, что мы плюхнулись в воду близко один от другого, что капковые жилеты выдержали нас, что утром она увидела меня, а потом мы заметили и болтавшуюся на волне пустую резиновую лодку с нашего самолета.

Мы захватили эту лодку. Теперь нас снабжают отлично: наши «НЗ» не размокли; у меня был забавный маленький прибор, превращающий человеческое дыхание в воду. Можно было жить. Высунув из воды носы, мы осмотрелись.

Хорошего — ни на шиллинг!

Далеко на горизонте виднелась, правда, полоса какой-то земли, но это нас не вдохновляло: там, несомненно, были нацисты. Мы решили выждать ночи.

К вечеру над нами трижды прошли три немца, взад и вперед. Мисс Вайолт держала себя, как мужчина: должно быть, у нас, англичан, в крови меньше терпеть бедствие на море. Единственно, что ее сердит

Когда «Ланкастер» перешел в штопор, я сначала выбросил в люк ее, а потом прыгнул сам.

ло, — это необходимость в буквальном смысле «пить мое дыхание», превращаемое в воду карманным конденсатором. «Чересчур поэтично для меня!» сказала она.

В сумерках мы стали грести к востоку. Но час спустя до нас донеслось фыркание дизеля, и из легкого тумана прямо на нас выплыла «Зета». Вы знаете, что значит это имя, кэптин? Говорят, так у вас, славян, называлась некогда нынешняя Черногория.

Странно устроен мир, кэптин! Я простой сержант его величества, обыкновенный томми, все руки в масле. Я мало чего читал, кроме газет; но, мне кажется, философы плохо разобрались в том, что такое случайность. Надо же было, чтобы все эти события совпали; чтобы за трое суток до того, как мой «Ланс» стартовал из Массифры, семеро сербских партизан — пять рыбаков и два профессионала-подводника — сумели ночью, в маленькой бухточке возле Бибине (это где-то в Далмации, не так ли?), напасть на поврежденную глубинной бомбой лодочку, бывшую до того, само собой, в руках у немцев, перебить ее экипаж, вывести ее в море и направиться к югу в надежде прорваться к нам.

Надо было, чтобы истребители и бомбардировщики нацистов в течение пятидесяти часов гонялись за ней, не давая ей уйти в открытое море; чтобы механизмы систерн погружения оказались испорченными, чтобы рули то заклинивало, то отпускало, а скорость привела ее как раз в точку нашего непредусмотренного рандеву, и точно в тот миг, когда там оказались мы с мисс Вайолт.

Нужно же, чтобы случилось и еще более удивительное происшествие: за семь часов до нашей встречи с нею «Зета» наткнулась в море на обыкновенную далматинскую рыбацкую лодку. Истощенный, полуседой человек, — о! я вспомнил его фамилию: Саосерски! — с трудом, но неустанно греб тяжелыми длинными веслами, направляя свой путь на запад. В лодке было немного сушеной рыбы, с полдюжины черствых лепешек и жестяной бидончик с пресной водой. Пять-шесть галлонов мутной воды, но тысячи тонн мужества! Ей-богу, кэптин! Этот русский инженер Питер Саосерски бежал из концентрационного лагеря в Банье Лука, добрался до берега и, поставив на карту жизнь, отплыл в Италию.

Подчеркните дважды эту фамилию, дорогой кэптин! Подчеркните ее красным карандашом!

Когда нас подняли на борт «Зеты», меня и мисс Вайолт (что за молодцы эти сербы! Им было явно не до нас, но они обрадовались нам, как своим лучшим «другарям»), лодка находилась в бедственном состоянии. Механизм погружения отказал, впереди — сотни километров враждебного моря; радиостанции нет; а над головой с утра повиснут снова немецкие самолеты.

Сербы были смелыми моряками, но плохими механиками. Мистер Саосерски, — вы говорите, что нужно произносить Заозерский, — пусть так, но это слишком трудно для английских губ: я, с вашего позволения, буду лучше называть его «Старик», — один возился над исправлением систерн. У него, очевидно, был какой-то план в голове, но сербы плохо понимали его речь. Они хлопали его по плечу, восклицали: «дружи! брат!», но не знали, что он хочет от них. А он хотел удивительных вещей. Он радовался, как дитя, попав на эту лодку. Это было невероятной удачей: он и подводная лодка! Это, взятое вместе, было спасением!

Когда мы тоже попали туда, положение резко изменилось. Старик говорил по-английски. Не знаю, откуда родом были его учителя, но все же я понимал его довольно свободно. А сербы понимали все, что им говорила Вайолт. Все сразу же пришло в норму.

Мы поставили двух человек на помощь инженеру. Дело закипело. Часа два или три я был совершенно уверен в том, что произойдет. Мы, полагал я, починим

систерны, уйдем на глубину и сутки спустя под сербским флагом войдем в Бриндизи. Я уже мерил этот срок числом крепко закрученных гаек на фланцах помпы.

Но на исходе нашей работы Старик, распрямившись, внезапно обратил ко мне свое испачканное мазутом худое лицо.

— Все было бы очень просто, Баллард, — сказал он мне так, точно речь шла о вещах самых обыденных, — если бы эта скорлупа могла погрузиться хотя бы на тридцать метров! О, тогда мы пошли бы прямо в Италию... Но беда в том, что для нее, в ее теперешнем состоянии, даже десять метров — предел. Сто сорок футов. Ни дюйма больше! Малейший избыток давления — и все ее швы разойдутся. Итти же по этому морю в штиль на пятиметровой глубине... Каждый «Юнкерс» увидит нас, точно бы воды вовсе и не было. Нет! — и он прищурил глаза. — Нет! Пускаться так в море было бы сейчас чистейшим безумием...

Я сел на аккумуляторную батарею, кэптин, — потому на нее, что других сидений рядом не нашлось. Не будь батареи, я сел бы на мол... Но юмор никогда не покидает меня: в этом моя сила.

— Не хотите ли вы сказать, сэр, — проговорил я, — что разумнее нам пуститься в этой лодке на сушу?

Тогда он открыл глаза (у него, кэптин, тонкие, сухие веки больного. Объясните мне, откуда такая сила воли в столь слабом теле, у этого измученного, пожилых страдальца?). Он открыл глаза и с минуту пристально смотрел на меня...

— Хотел бы я знать, Баллард, — произнес он наконец, — достаточно ли вы разумный человек, чтобы поверить невероятному? Да, я действительно хочу «покинуть море». Но я собираюсь достигнуть не англичан, а русских. И пройти к ним я намерен не пешком и не по суше. Мы пойдем к ним под сушей, Баллард. Пойдем на подводной лодке. — Он странно улыбнулся. — Не думаю, чтобы вы уже поняли меня...

Я и действительно его не понял. Но холод пробежал у меня по икрам, и волосы стали, как наэлектризованные. «Сумасшедший! — подумалось мне. — Он свихнулся там, в немецком лагере... Что же нам делать?..»

— Нет, я не умалишенный, мой друг! — мягко сказал он, словно отвечая на мои мысли, и, сняв свою маленькую албанскую шапочку, провел рукой по волосам. — Не обижайтесь на меня, друг, но я знаю несколько больше вас... Потому что вы очень мало знаете... Пойдите, мой милый, позовите сюда вашу девушку и того, кого они зовут капитаном. Может быть, вторые вы поймете меня скорее.

День клонился к вечеру. Лодка, поравнявшись с крошечным островком, круто торчащим из воды (там их тысячи!) задержалась в его тени, чтобы не быть видной с воздуха. Солнце проникало только сверху в открытый люк. Мисс Вайолт присела на трапе, я — на аккумуляторах. Вук Хризич, капитан, человек шести футов и двух дюймов роста, с одним глазом и с лицом, перечеркнутым осколочным шрамом пятнадцатого года, оперся плечом о крашенную маслом переборку. А Старик, прикрыв глаза руками, говорил:

— Слушай, капитан, — сказал он Хризичу, и Вайолт быстро переводила его слова с английского на сербский. — Около твоего дома... нет там у вас какой-нибудь реки, которая, пройдя добрую часть пути своего по земле, вдруг исчезает в подземных потоках?

Вук задумался, потом сказал что-то в ответ.

— Возле Дедова провала, у Верхней Паланки, — передала сказанное им Вайолт, — есть как раз такое место. Река уходит там в расселину, а появляется из-под земли куда полней и многоводней, чем была, за отрогами Дурмитара, в Волчьей долине.

— Я знаю оба эти места, — кивнул головой русский. — А не случалось ли старому Вуку видеть, что

иной раз подземные реки прорывают себе русло прямо в море?

Серб своим внимательным глазом посмотрел на инженера.

— Я — старый рыбак, — немногословно ответил он, — и родился на побережье. В Сланском заливе мы насчитываем пять или шесть таких рек. За мысом святого Николая постоянно видна с кораблей ложная отмель, и вода в этом месте почти пресная... Могучий поток втекает тут в Ядран не с берега, а из-под дна, далеко в море. Случалось, на глазах людей он выбрасывал снизу целые дубовые стволы, принесенные с далеких нагорий.

Два старых человека смотрели друг другу в глаза, а мы глядели на них. Что нам было делать? Они говорили о таких далеких вещах. Несколько секунд длилось молчание.

— Все это — истинная правда, — проговорил, наконец, русский. — Подземные воды! Кто измерил их пути, кто изучил их русла, кто учел их мощь? Никто! Знаете ли вы, друзья мои, что науке известны реки, текущие на глубине, в сотнях метров под землей, в вечной тьме, в гробовом молчании? Их русла тянутся на неслыханные километры. Некоторые из них многоводны, как крупные потоки поверхности, глубоки, как норвежские фиорды, широки, как каналы, построенные людьми. В Германии река Лайбах из восьмидесяти километров своего пути два проходит под землей. Есть в Средиземном море, в заливе Аргос, место, называемое Анаволо; там со дна бьет на поверхность моря струя воды почти пятидесяти футов в поперечнике. Есть еще более удивительная вещь: в Индийском океане — там, в тропиках, — могучий пресный ключ выбивается из соленых волн в ста милях от ближайшего берега, против города Читтагонг. Какой же силы, какой мощи должен достигнуть поток, идущий под океанским дном, чтобы выбросить свою струю вверх сквозь такую толщу морских вод? Что вы думаете, мои друзья, обо всем этом? Что думаешь ты об этом, Хризич!

Мы молчали, потому что никто из нас не знал, к чему он клонит.

Помедлив несколько мгновений, инженер отер лоб рукой.

Глаза его смотрели мимо меня куда-то вдаль. Что он там видел? Что он хотел сказать нам этой своей лекцией?

— Да, все это так! — еще раз произнес он торжественно, как на митинге, прерывая молчание. — Вернись ты в то, что такие подземные потоки существуют, серб? Можете допустить это вы, англичане?

Серб сказал:

— Я слышал об этом уже тогда, когда еще не ходил с отцом в море за осьминогами. Это вещи, известные каждому.

Мы, англичане, пожали плечами: возможно, все это было верно. Но какое отношение имело это к нам?

— Под землей, — снова заговорил тогда инженер, — есть не только реки, сравнимые с реками поверхности. Там есть огромные озера неизмеренной еще никем глубины. Там шумят водопады, грохота которых никогда не слышало человеческое ухо. Там, возможно, лижут темными волнами темные берега целые моря, принимающие в себя десятки потоков, изобилующие островами, окруженные тут обрывистыми утесами, там — пляжами шелковистого песка. Под землей есть своя водяная жизнь. О ней подозревают многие. О ней знает один человек на свете. И этот человек — я.

Вы поймете меня, кэптин! Я не в силах припомнить и передать вам все, что он говорил, передать его же словами: он был чересчур учен для меня. Но суть дела ясна и так.

— Везде, где под поверхностью земли лежат растворимые породы, вода просачивается сквозь них вглубь.

Неверно думать, однако, что вода там, под землей, сочится ничтожными струйками, как нас учили в школе. Под землей, на разной глубине, под высочайшими горами, как и под обширными равнинами, под песками страшных пустынь так же, как под дном великих океанов, имеются воды второго этажа: могучие реки, глубокие озера, заливы морей, проливы, соединяющие все это между собою.

— Самой первой на всей земле страной растворимых каменных пород ученые считают Балканский полуостров. Тут, — и Вук Хризич подтверждал нам его слова важными кивками седой головы, — тут таких, то исчезающих, то появляющихся, рек — тысячи. Тут земля на километры в глубину подобна губке.

— И тут-то, — голос его зазвучал, как набат, так что Вайолт даже придвинулась ко мне, — тут, немного южнее острова Млет, в одном из небольших заливчиков моря, открывается в Адриатику русло самой большой подземной реки этой страны. Отверстие лежит на пятнадцать метров ниже самого низкого уровня отлива (он не очень силен здесь, отлив!). Оно обширно, как морские ворота порта. Из него изливается в Ядран поток, берущий начало в огромном подземном озере, лежащем на много метров выше уровня моря, но все же на триста метров под поверхностью земли, — это там, на востоке, примерно между Косьерице, Байина-Башта и Ужице. Озеро велико и обширно. Оно принимает в себя десятки подземных рек, а источает только две, расходящиеся в разные стороны. Одна, о которой уже была речь, впадает в море у Млета. Другая, текущая в противоположную сторону, пройдя сотню миль, вливается в Дунай.

— Вы слышите, товарищи! — крикнул Старик. — Она вливается в Дунай километров на пятьдесят выше Железных Ворот. Я назвал первую «Новой Волгой», а вторую — «Русской рекой».

Это было пять лет тому назад. Я имел право окрестить их, потому что я был первым и единственным человеком, прошедшим из конца в конец по этому страшному пути. Я был первым, прошедшим его до конца! Был и второй человек, но она осталась лежать в могиле на берегу озера Далекых Надежд, там, глубоко под землей. Мир да будет ее праху! Я похоронил ее там. Подземные воды погубили ее. Но они теперь спасут нас, потому что на всем их протяжении обе реки этого царства судоходны... Теперь вы понимаете, чего я хочу, товарищи? Я хочу провести «Зэту» подземным путем, под Балканским полуостровом, в Дунай. Русские взяли Калифат. Братья мои стоят над устьем моей реки. Что скажешь на это ты, Вук Хризич, серб? Что скажете вы, молодые англо-саксы? Или вы отступите там, где прошел я?

Вот как он повернул все это, кэптин! Объясните мне: что он за человек?

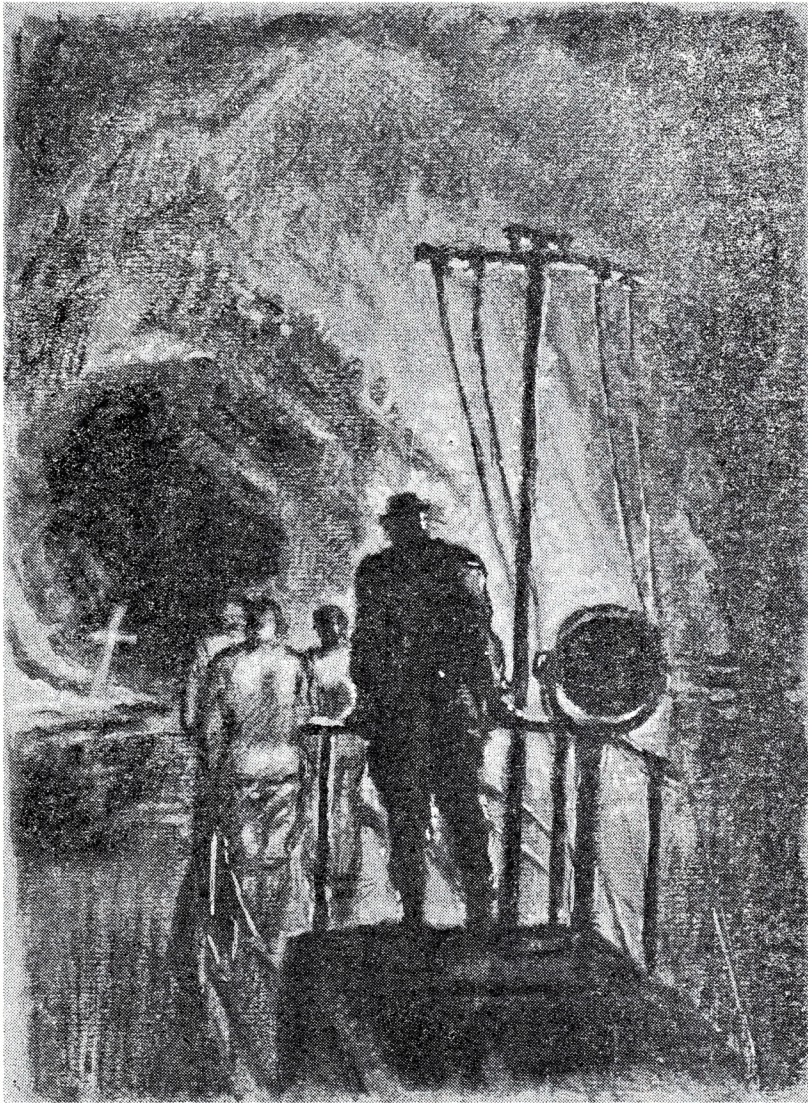
Позднее, в глубокой тьме его подземелья, я долгие часы стоял рядом с ним у штурвала «Зэты». Бледный луч прожектора вырывал из мрака то колоссальную гранитную завесу, складками ниспадающую в черную воду, то гладкие белые стены, облизанные быстро текущей водой, то тускло мерцающие дали каких-то неоглядных пространств.

Один только раз он осветил совсем другое: могучий красно-золотой утес на берегу чернильного озера, лунообразную подковку белого, как серебро, песка у его подножия и маленький, грубо сколоченный намогильный крест над этим песком... И у меня похолодело сердце: страшно было видеть это единственное человеческое тут, среди неживой мощи земли, во многих сутках и бесконечных милях безмолвия, молчания, неподвижности, смерти...

Но я остался стоять, не отходя от него: рядом с ним мне было легче. И он рассказал мне свою жизнь. Я знаю ее теперь, как свою собственную.

До 1908 года она была ничем не удивительна. Он родился у вас в России, на реке Волге, в городе, который зовут Саратов. Родители его были люди обеспе-

Один только раз он осветил совсем другое.

ченные, и он учился в Петербурге (теперь этот город носит великое имя — Ленинград) в Горном училище над Невой. Ни о чем особенном он не мечтал: он просто хотел стать минералогом; ему, говорил он, нравились драгоценные камни...

В 1908 году он решил попутешествовать. Какой-то профессор посоветовал ему, между прочим, посетить Крайну и Далмацию, эти обетованные земли геологов, страну таинственных пещер и рек, внезапно исчезающих под землю. Он послушался, — и с этих пор жизнь его, подобно этим рекам, нырнула в иной, удивительный мир.

Через год он поселился в Италии, где-то около Тремоли. Он перевел в итальянские банки большую часть средств, доставшихся ему после смерти родителей, и в течение тридцати лет не думал, не слышал, не хотел знать ни о чем другом, как о своих подземных реках.

Странный он все же был человек (я не знаю, жив ли он, кэптин! С ума можно сойти, если он погиб!). Он не только изучал эти реки, как изучают их другие, он задался безумной целью — плавать по ним. Он забыл обо всем другом. Его родина ждала его, он это знал, но не хотел возвращаться к ней с пустыми руками.

В 1926 году была построена в Италии, в Турине, по его чертежам и в великой тайне крошечная подводная лодка, рассчитанная на двух человек. А год спустя, в 1927, он женился. Ей было девятнадцать лет. Она была шведкой или латышкой, случайно приехавшей с родителями на модный курорт в эти места. Не знаю, как и что соединило их; только она отдала свою жизнь и свою душу ему и его рекам.

Год спустя его лодочка (он назвал ее «Протей»; есть, оказывается, такое животное, обитающее в подземных водах) впервые вышла в плавание. Это было двенадцатого августа. А еще через шесть дней она нырнула в огромное отверстие Млетского устья, и тьма подземного мира надолго сомкнулась над ней.

Десять долгих лет шаг за шагом этот человек не делился ни с кем ни словом, не публикуя ни единой строчки о том, что он видел, обследовал свою заветную реку, «Новую Волгу», свои владения.

Сначала это были короткие, робкие вылазки, опасливые нырки в глубины земли. Потом они становились все смелее и шире.

Шесть месяцев в году он плавал, шесть — обрабатывал добытый материал дома. Все один, всегда и во всем один, с единственной верной помощницей...

В 1938 году пришел, наконец, тот успех, о котором он мечтал. Войдя в июне в то же Млетское устье, он в июле всплыл рано поутру посреди Дуная. Всплыл на один-единственный миг, только чтобы испустить в рассвет крик торжества и тотчас снова уйти под землю.

— Я не хотел, Баллард, — говорил он мне, — я не имел права выдавать себя на полсвине пути. Я мечтал о том, чтобы подарить человечеству и моей родине новый мир изученным и описанным до конца, до предела. Да, я был гордецом, — и судьба жестоко покарала меня за эту гордыню. Ну, что же? Так было нужно, Баллард!

Кара, и верно, была не легкой, кэптин! Жена Старика в те дни торжества была беременна. Рождение ребенка ожидалось через два или два с небольшим месяца, по возвращении домой. Но еще на пути туда она почувствовала себя нехорошо: сказалось утомление или случилось что-нибудь другое, — русский не коснулся причин.

В момент появления лодки среди Дуная молодой женщине сделалось совсем плохо. Нужна была, по видимому, помощь врача, и притом немедленная. Но эти двое безумцев, двое фанатиков решили плыть обратно. Еще бы: высадка на берег разоблачила бы их тайну, раскрыла бы ее преждевременно! Разве на это можно было пойти? И вот лодка ушла в глубину. А результат? Я видел этот результат: маленький темный крест на белой полоске песка, под трехсотметровой толщей камня, за сотни миль от малейшего звука, от самого слабого лучика света, от ничтожнейших проявлений жизни.

Вечно пустой, вечно прохладный серебристый полумесяц берега, вечно дуновение легкого ветра, дующего

всегда в одну сторону, с востока на запад... Ничего более торжественного, страшного и скорбного не мог бы вообразить себе никакой романист, ни один художник! И посреди этого — высокий пожилой человек, без слез опускающий в неглубокую яму два безжизненных тела — молодой женщины и недоношенного ребенка! Ах, дорогой кэптин! Я — простой солдат моей родины, грубый томми-йоркширец. Вайолт — девушка, прошедшая суровую жизненную школу. Хризич и его молодцы — нужно ли говорить о них? Что они видели и пережили за последние годы! Но я не стыжусь: там, в этой бездне, гнетомые стремлением скорее вырваться из нее, гонимые борьбою за жизнь, мы не удерживали своих чувств... Да, я плакал, кэптин, а Вук Хризич приказал своим сербам дать три залпа в воздух, пока темный крест еще виднелся за нами в бледном луче кормового прожектора. Он никому не смотрел в глаза, старый волка. Русский же — он и тут был, как каменный.

— Я не хотел, Баллард, — сквозь зубы сказал он мне полчаса спустя, — я не хотел раскрывать людям своей тайны, прежде чем сам не овладею ею. Я хотел принести ее моей родине — России. Может быть, вы скажете, что я был плохим русским: я много лет жил на чужбине, обуреваемый своею страстью. Но я делал это для России. Ну, что ж? Если позволит судьба — теперь моя страна получит этот дар — мое открытие...

Похоронив жену, он вернулся домой одинокий, но не сломленный. Год он обрабатывал свои материалы. А потом... А потом все пошло вверх дном: война неистовствовала. Крик Муссолини по радио. Адриатика в огне. Немцы на Балканах!..

В сорок первом году инженер Саосерски понял, что не разглашение, которого он боялся, а другая, худшая опасность грозит его тайне: что, если ее захватят немцы?

Он думал недолго. Двадцать восьмого июня вилла Плутония, его обитель, сгорела. Местные газеты писали: «Море огня уничтожило коллекции и документы русского геолога...»

Да, но его рукописи не сгорели. Он спрятал их — я не знаю где! Пожар виллы был лишь необходимой жертвой.

Но враги, очевидно, о чем-то знали или догадывались. Неделию спустя в его номер в гостинице постучали. Вошедшие не были итальянцами: они говорили по-немецки... Они предъявили ордер на арест, составленный на двух языках. Русский инженер исчез из Италии... И только через три года маленькая «Зэта» среди далматинских островов наткнулась на рыбацкую лодку, в которой истощенный Старик греб на запад... Остальное вы знаете...

Что же мне еще рассказывать вам, кэптин? Вы или верите мне уже или нет: слова могут прибавить немного!

Да, на рассвете следующего дня «Зэта» у самого берега погрузилась в воду. Сербы доверились недрам своей страны.

Никогда не забуду животного страха, охватившего меня, когда электромоторы были включены и мы двинулись вперед. Великий бог, куда?..

Мне трудно рассказывать дальше, кэптин... Мы следили время по часам, но у нас не было ни дня, ни ночи, — и разве могу я сказать, сколько суток прошло? Сегодня двадцатое? Ну, значит, мы плыли неделю.

Лодка почти все время двигалась на поверхности воды, но если бы вы видели этот мрак! Он был страшным, подавляющим... Один раз, когда мы отдыхали, я вышел наверх, и мне пришла в голову шальная мысль: погасить прожектор, освещавший недвижные скалы и быстро текущую мимо нас — все туда, все туда! — скользкую безмолвную воду. Погасить — и посмотреть, как это выглядит. Тотчас же я вскрикнул и снова включил свет: мне показалось, что я умер, — какая тьма, какая страшная тьма! Сербы все семь дней говорили между собой шопотом. Вайолт держалась молчаливо, но во сне и она бредила солнцем и жалобно звала: «Мэмми! мэмми!» Только Старик был спокоен

и счастлив, как у себя на родине. Без карт, без записей он вел нас все дальше и дальше в глубь своего страшного царства; и каждый раз, как в этой первозданной пустоте, при разветвлении двух потоков: на черном утесе — белый, на белом — черный, возникал в прожекторном свете его условный знак — круг с точкой в центре и цифра, я испытывал стремление опять опуститься перед ним на колени. Ведь он уже был здесь! Вам случалось когда-либо стоять так, часами, касаясь локтем гения и героя? Нет? Пойдите, попробуйте, кэптин! Тогда вы поймете меня...

День проходил за днем, а мы плыли... Он (мы все стали его звать так: «он», как бога), он чувствовал нашу слабость: ведь мы боялись.

— Час спустя, Баллард, — говорил он мне то и дело, — мы дойдем до знака «731». Я нарисовал его на зеленоватой колонке, справа по ходу.

Или:

— Сегодня к полдню мы выберем к месту, где справа, не так далеко, ревет водопад, низвергающийся в бездонную пучину. Скажите девочке — пусть она вслушивается в его шум.

И когда до нас в глубоком молчании бездны вдруг начинал доноситься издали странный, медленно нарастающий звук, нас охватывало благоговейное преклонение и перед наукой, и перед этим спокойным, некрасивым человеком, и перед той страной, из которой он вышел и в которую он нас теперь вел. Мы переглядывались. Мы улыбались. Да, русскому можно верить! Он — русский, он приведет к цели!

Было многое, очень многое, кэптин, чего я не могу еще вспомнить сейчас, может быть, потом, позднее... У меня в голове обрывки, пестрая смесь из чудовищной темноты, долгих, долгих разговоров вполголоса, легких и робких прикосновений Вайолт, призрачных картин, выхваченных из тьмы (о, эта невыразимая тьма! Я теперь до дня смерти моей буду спать, не гася лампы!) бледной рукой прожектора.

Я сказал уже: лодка почти все время плыла над водой. Были только два случая, когда понадобилось погружение: при выходе из озера Далеких Надежд, и — самое опасное — где-то ниже этого озера, когда мы огибали Шумящую Стремнину. Здесь нам пришлось, минуя скалистый порог, уйти минут на двадцать пять почти на двадцать два метра в глубину. В отсеки «Зеты» тотчас стала просачиваться вода, но мы теперь были уже близки к цели.

Было там странное место, где у нас отказали все электроприборы. Он дремал в это время у руля, но вскочил, как уколотый.

— Внимание! Все механизмы выключить! — крикнул он.

Я и не предполагал, что у него может быть такой могучий, звучный голос.

Потом он разъяснил мне: там поблизости залегают целое сокровище урановой руды. Она радиоактивна. Она создает электрическое поле. Все приборы выйдут из строя тотчас же.

Часа три мы отдавались течению реки, и нас мягко дрейфовало вниз, вниз — к свету, к свободе.

После этого, кажется, я и спросил его вскользь:

— А золото? Нет ли тут золота, мистер Саосерски?

Он посмотрел на меня сверху вниз, как на ребенка, как на лилипута, как на растение, чорт возьми!

— Золото? — переспросил он. — Смешной человек! Тут есть вещи подороже золота, Баллард!.. Я знаю выход угля — не здесь, ближе к западу: там обнажается пласт в сто метров толщиной. Железо, редкие металлы... Человечеству будет открыта дверь в сокровищницу, какой она еще не видела доныне...

Так сказал он... Но, кэптин, я устал немного... Я бы хотел закурить, если позволите... Не скрывайте от меня правды — я хочу знать: что с ними? Где он? Где Хризич?.. Где Вайолт? Вы знаете, теперь я уж не смогу жить без нее... Эта тьма обручила нас навеки. Так что — будь что будет!..

Я буду краток. Да и что может еще рассказать вам

Прямо перед собой увидел я черно-белый фонтан воды и дыма.

Тэдди Баллард, сын стюарда, простой солдат старой Англии? Ничего...

Наступил последний день. Он предупредил нас, что мы у цели. Невозможно забыть, как радовались этому сербы...

А потом была дана команда: «К погружению!» И заработали моторы. Был миг, когда мне почудилось, что я сплю, что все это неправда...

Потом, кэптин, — мне жаль, что вы этого не испытали, — потом мы увидели первый луч света — дневного света!... Он проник не прямо в лодку, — он прошел сквозь стекла перископа. Но ведь это был все же свет, свет, свет!..

Хризич уже отдраивал герметический люк. Старик... Мне кажется, он хотел нас призвать к осторожности, но не успел; а может быть, он и не захотел этого... Он сам, думаю я, не выдержал такого счастья.

Мы все вдруг высыпали на палубу лодки. На миг, на несколько минут мы увидели крутые берега реки, дым от пожара на ее правом берегу, низкие серые облака впереди, голубой просвет слева. Я хотел крикнуть «ура!»... Я судорожно сжал руку Вайолт... Я ус-

пел еще обернуться к нему. Он стоял без шапки на палубе, сильно дыша. Ветер играл его седыми волосами. Его некрасивое лицо было прекрасно, — незабываемо прекрасно. Перед ним сразу открылась родина, свобода, великая честь и слава. Он поднял руку, чтобы сказать что-то нам. Но в эту секунду гроыхнул взрыв.

Я увидел черно-белый фонтан воды и дыма прямо перед собою.

Берег точно перекувырнулся надо мной. Черная тьма, тьма подземелий, плеснула на меня опять. В нестерпимом ужасе я заметался перед ней, вскрикнул и очнулся.

Надо мной наклонилась сестра в белой косынке. Васька сестра. Врач держал мою руку и считал пульс.

«Ах, вот что! Значит, все это бред? — подумалось мне. — Значит, меня просто сбили над Адриатикой и спасли там, в море. Значит, ничего этого не было?..»

Ну, вот! Я все вам сказал, кэптин. Теперь, умоляю вас, скажите мне: что с ним? Где он? Где Вайолт? Где сербы? Или это был только бред, только сумасшедшие видения в мозгу авиационного стрелка, сбитого врагами в бою над Адриатикой?